

15.05.93
Вознесенский Андрей

Когда говорят об интеллигенции, то непременно упоминают шестидесятников. С разной интонацией: уважительной, враждебной, но-стальгической. Одному из главных шестидесятников — Андрею Вознесенскому — 12 мая исполняется 60 лет. «Левый крайний» нашей поэтической сборной. Заласанный кумир и осмеянный пророк. Беззаконная номета и ловкий хроникер со вслышной. Поэт-набат. Обыкновенный гений. Как его только не называют. Совсем недавно он предстал перед нами на Пасхальной инсталляции в неизменной непочке, в шарфине и, конечно, с новыми взрывными стихами. Ажиотаж. Событие...

Я попытался встретиться с ним. Вел переговоры по телефону о встрече, но, как писал Вознесенский когда-то в своей поэме «Оза»:

Ангел, об чем претензии? Провинциалочна некая! Сказки хотелось, песни? Ненюгда, ненюгда, ненюгда... А поговорить, порасспросить так хотелось! Знаю Андрея еще со школы. Слежу за ним. Читаю. Он мне близок. Созвучен.

Когда-то Валентин Катаев сказал: «Книги — это продолжение души писателя. Вот почему, если хочешь познакомиться с писателем, вовсе не обязательно знать его лично. Для этого достаточно просто читать...».

Благодаря катаевской подсказке я предлагаю читателям воображаемую встречу с Андреем Вознесенским (почти что в стране Вообразилии). Ответы Вознесенского взяты из его стихотворных сборников различных лет.

— Хочется вздрогнуть. Неужели так уж все беспросветно и не на кого опереться, найти достойное и благородное плечо?

— Есть русская интеллигенция. Вы думали — нет? Есть. Не масса индифферентная, а совесть страны и честь. Есть в Рихтере и Аверинцеве земских врачей черты — поскольку интеллигенция, поскольку они честны.

— В 1963 году прозвучал твой знаменитый выкрик: «Тишины хочу, тишины!». Нервы, что ли, обожжены?.. Пародисты ухватились за эти строки и срифмовали вместо «тишины» — «ветчины». Но в том стихотворении есть и иная строка: «Мы в другое погружены». Прошло ровно 30 лет. И во что же «погружен», чем озабочен?

— Среди крушения, в котором ныне мы, не искушай меня, грех уныния!...от бухт Японии и до Румынии спаси нас, господи, в стране Уныния!

— Сквозная тема твоего творчества, Андрей — Россия. «Россия, я — твой капиллярный сосудик, мне больно, когда — тебе больно, Россия». — писал ты еще в «Лонжюмо». Вот уж воистину болевая тема.

— Цель моя — оттереть, свести тень, пусть пятнышко, волосинное, с ветрового стекла России, чтобы было светлей в пути.

— Тут не пятнышко, а комья грязи ныне летят. Да и разве спасешь, очистишь Россию в стихах? И все же ты в своих стихотворениях давал россиянам надежду, хотя порой и прорывались горестные ноты отчаяния

— Обещано счастье в конце третьей серии, и нас не смущает, что фильм двухсерийный.

— Ты — оптимист по натуре, ты верил, наперекор всему, что если «идиотов бы поубрать вдвойне», то, может, в стране в конце концов что-то получится. Нормальное. Человеческое. Ты верил.

— Горюпись, моя современница, горы сдвинутся, царства сменятся.

— И угадал! Царство сменилось в марте 1985 года. И накатило: ускорение, перестройка, гласность... Ты и сам, я помню, поддавался новым иллюзиям.

— Достигли ли почестей постных, рука ли гашетку нажала — в любое мгновение не поздно, начните сначала!

— Вернемся к стихам. Всегда ли они достигали цели? Не задавал ли ты сам себе тревожных вопросов?

— Зачем ты, художник, паришь в эмпиреях?

Мои мадригалы, мои триолеты послужат оберткою в бакалее...

— Вот-вот. Впрочем, сомнение — непременная составная творчества, утяжеляющая и без того тяжелую ношу настоящего творца. Переменим тему. Поговорим о женщинах. Ты лирик из лириков и всегда сочувственно писал о женщинах, правда, иногда с какой-то, я бы сказал, подначкой: «Шахуй, оторва белокурая!..». Для тебя женщина, так по крайней мере выходит из стихов, всегда удивленная непредсказуемостью, некая тайна, не так ли?

— За что нас только бабы жалуют и губы, падая, дают, и выбегают за шлагбаумы, и от вагонов отстают?

— Помню-помню. Это из ранних стихов, когда всем нам в юные годы «было бешено хорошо и задуматься было ужасно». Но потом? Что было потом? «Любите при свечах»?

— Милая, плохо? Планета пуста. Официанты бренчат мелочишкой. Выйдешь на палубу — пар изо рта. Не докричишься, не докричишься...

— И когда ты, Андрей, понял, что «любовь не модна, как камин», ты сказал «Аминь» и провозгласил печальное торжество человеческого страдания, верно?

— Видно, душа, как печенка, отбита... Ну, а пока что — да здравствует бой, Вам еще взвыть от последней облоймы! Боль продолжается. Празднуйте боль! Больно.

— Ну этого теперь с лихвой у всех. Написаны твои строки два десятилетия назад, и вот сбилось: все взвыли от боли. Все мечутся. И на фоне этого болеметания находится много людей, которые хотят сыграть роль спасителей России. А претендуешь ли ты при всех своих книгах и регалиях на роль лидера отечественной литературы, своеобразного духовного пастыря?

— Ни в паству не гожусь, ни в пастухи, другие пусть пасут или пасутся.

— Ну что ж, Андрей, тебя понять можно: стадо тебе не нужно, ты сам постоянно при своем деле. И как удивительно ты его разнообразишь, я преклоняюсь перед тобой. Не только стихи — новые повороты тем, ритмы, рифмы, неологизмы, но и монумент «Дружбы навеки», и золотая сфера «По тарх», и всякие «крестики и нолики», и изолпы, и видеомы, и вот это недавнее пасхальное Яйцо.

— Уйда в видеомы, художеств наперстник, я истосковался по рифмам, по перлам Твоих выражений, Твоим фельддеперсам, по прошлому, сброшенному из кресла, по ненормативной беспамятной лексике, что пахнет кофе и ломтиком персика... Не первый я был у тебя, но я первый тебя воскресил из хрустального стресса. Красиво исчезла — красиво воскресе...

— Это отрывок из «Салонного псалома», чтобы знали читатели. И в этом твоём хорале есть строки: «Россию хоронят. Некрологи в прессе. Но я повторяю — Россия воскресе...». Вот что для нас всех главное и обнадеживающее: «Россия воскресе, воскресе в любви». В ненависти же Россия погибнет... Но вернемся к юбиляру.

— Может быть, тебя что-то беспокоит? Тяготит?

— Успеть бы свой выполнить жребий, Хотя бы десятое спеть, заветное слово «свобода» по-русски осмыслить успеть!..

— У меня нет сомнений. Все обойдется. Приостановится «всеобщая распада Распада», «победит Чело, а не число». И ты сам успеешь еще спеть многое. Здоровья тебе. Удачи. Вдохновения. И чтоб стих оставался «крепок, как рафинад» (тем более что он так дорог сегодня). С юбилеем тебя, Андрей!

Твой бывший сошкольник, а ныне ведущий исторического календаря «ВК» Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.

Фото Александра КОЧЕТОВА.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

— Из клуб — 1993 — 13 мая — с. 7

"Россию хоронят. Некрологи в прессе. Но я повторяю — Россия воскресе..."

12 мая Андрею Вознесенскому исполняется — кто бы мог подумать! — 60 лет. Поздравляем!

— Андрей, начнем с главного: во что ты веришь? Что для тебя является главным в иерархии человеческих ценностей?

— Я урод в человечьем ряду, в аллергии, как от крапивы, — исповедую красоту. Только чувство красиво.

— Это эстетика. А дела литературные? Твое отношение к поэзии как к жанру?

— В садах поэзии бессмертных через заборы я сигал, и все срывал аплодисменты, и все бросал к Твоим ногам. Но оказалось, что загадка не в упоенье ремесла.

— Стихи — бумажные закладки меж жизнью, что произошла.

— Согласен. Но как быть с определением, что поэт в России больше, чем поэт?

— Художник первородный — всегда трибун. В нем дух переворота и вечный бунт.

— Этот твой бунтарский дух лично я всегда ощущал, и посему с властью отношения у тебя всегда были непростые, достаточно вспомнить, как на тебя кричал сам Хрущев. Я хорошо помню эти времена, когда тебя критиковали, загоняли в угол, а ты защищался только стихами. к примеру, стихотворением «Я обвиняюсь».

— Вознесенский, агент ЦРУ, притаившись тихой сапой. Я преступную связь признаю С Тухачевским, агентом гестапо.

— Да, да, в чем только не обвиняли, в конформизме особенно. И особенно усердствовали коллеги по перу.

— Дорогие литсобраты! Как я счастлив от того, что среди общей благодати меня кроют одного. Как овечка черной шерсти я не зря живу свой век — оттеняю совершенство безукоризненных коллег.

— «Безукоризненных»... как всегда, ирония. Но ты выражался и похлеще.

— Господи, пол-литра поднеси им — «современной гвардии» «Литроссии».

— Ну что поделаты! Ты же сам и совсем недавно написал, что «мы — не люди — грибные мутанты, мы — туманны... тьмутараканты...». Вот и последние события это подтверждают.

— Опять надстройкой рождает базис. Лифтер бормочет во сне Гельвеция. Интеллигенция обуржуазилась. Родилась люмпен-интеллигенция...

...Ты едешь бледная — «люминесцентная!» — по темным улицам совсем одна...

— Что-то с нашей страной становится! Консерваторов моют в «Новости»...

— Но в пылу эйфории ты и предупреждал, только об этом все как-то забыли.

— Жизнь в предпраздничной уборке ищет новые пути. Мало вытряхнуть бурбонов, надо новое найти.

— Но, увы, многие прежние бурбоны и бонзы сидят на своих местах. Другие, из новых, алчно тянут руки к желанным креслам. Империя рухнула, и мы переходим. От чего к чему? Тяжко всем. Не возникло ли желание покинуть страну, эмигрировать, ведь тебя знают везде и примут с большим удовольствием? А что касается России, то, может быть, ее вообще невозможно спасти?

— Как спасти страну от дьявола? Просто я останусь с нею. Врачевать своею аурой, что единственно имею.

Не ура-патриотизмом, не ударом побольнее — тайной аурой артиста, что единственно умею.

— Многие сейчас в нокдауне от шоковой экономики. Посмотришь, кругом «угрюмые фейсы». Что делать людям, что посоветуешь им, Андрей? Как им жить?